

АННА **И** СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

**ВЕДЬМА
ПРИХОДИТ
ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64   Ведьма приходит по понедельникам : роман / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-244081-6

Варя Кононова ушла со службы, из своей суперсекретной комиссии, которая занимается всем загадочным и непознанным, происходящим в стране. Они наконец-то поженились с экстрасенсом Алексеем Даниловым, и у них родился сын Арсений. Кажется бы, живи и радуйся! Однако вокруг их семьи начинаются сверхъестественные и неприятные события: на старой фотографии вдруг проявляется молодой человек, с которым Варя познакомилась позавчера. На прием к Данилову приходит очаровательная ведьма, которая рассказывает его же собственный сон. А потом похищают малыша Арсения...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-244081-6

*Посвящается замечательным
советским ученым и музейным работникам:
археологам, этнографам, антропологам*

Все выдумано, от первой до последней буквы!

Всякое совпадение с реальностью мест действия, характеров и ситуаций романа является непреднамеренным, целиком случайным и полностью остается на совести читателя.

ГЛАВА 1

Взбесившийся вагон

Варя Кононова

Наши дни

Ушла — и забудь.

Примерно по такому принципу действовал КОМКОН, самое секретное подразделение из числа российских спецслужб. Никто из сотрудников, отправленных в резерв, никогда на место службы больше не возвращался. Во всяком случае, Варя Кононова таких ни разу не видела и о подобных визитах не слышала. Ей самой однажды довелось по делу вернуться в подземную штаб-квартиру, но она считала, что то был единичный, исключительный случай. Поэтому иной раз она думала усмешливо: «Даже странно, что нам, всем тем, кто уходит из *комиссии* в отставку, память, как в фильме “Люди в черном”, напрочь не стирают».

С полковником Петренко тем не менее она продолжала общаться. Он у них с Алешенькой на свадьбе свидетелем и шафером был.

И на крестины Сенечки его, конечно, пригласили — но не крестным. Крестным Данилов взял своего многолетнего помощника Сименса; тот, несмотря на немецкую

фамилию, оказался самым что ни на есть православным русаком.

Однажды полковник обмолвился, что его повысили и он снова стал исполняющим обязанности начальника *комиссии*. Варя его поздравила, но больше о службе Петренко не произнес ни слова. Ни о каких комконовских делах не заикался.

Скучала ли майор в отставке Кононова по работе в *комиссии*? Конечно, скучала. Иногда думала, что ее порыв уйти был, пожалуй, слишком спонтанным и необдуманным. Никто ее не гнал. Могла бы служить и служить. Скоро подполковника дали б. А должность у нее полковничья была. К пенсии бы точно доросла. Но главное: какими интересными вещами они занимались!

Однако сожаление всплывало и пропадало, потому что нынешняя жизнь ей по большому счету куда больше нравилась.

Она стала мамой. А жить, отдавая себя крохотному Сечке, наблюдая день за днем, как он растет и меняется, — ох как интересно! Куда сильнее вдохновляло, чем служба, в которой, честно говоря, тупизма и бюрократии хватало.

Хотя во многом роли матери и домашней хозяйки оказались значительно тяжелее, чем оперативника-спецслужбиста.

Никто, ни единая душа их маленькой семейке не помогал.

Родители Вари погибли давно, в 1993-м.

Мамы Данилова не стало раньше, в девяностом году. Отец его тоже скончался.

Поэтому младенец Арсений остался без опеки-заботы со стороны бабушек-дедушек, причем с обеих сторон.

Помощи ждать было неоткуда, поэтому приходилось все самим. Няnek-бабок они решили не брать. Алеша ска-

зал, что будет Варю всячески поддерживать — в течение как минимум года ни в какие командировки-туры-гастроли по стране не поедет. И притом один день в неделю, когда у него нет приема страждущих, станет безраздельно сыночком заниматься, а Варю отпускать, куда бы она ни собралась: на маникюр-педикюр, стрижку-укладку, в кафе с подружками посидеть.

Обещание свое он выполнял. Нелегко мужу было, особенно по первости — с младенцем на руках весь день! Но он держался и всегда ее заранее спрашивал: «Ну, куда ты собираешься в следующий понедельник?» — у него именно первый день недели свободным от приема был.

В этот раз Варя сказала: «Я еду на свою старую работу».

Он нахмурился, в первый момент не понял: «В “Ритм-один”, что ли?» «Ритм-один» была компьютерная фирма, под прикрытием которой служила Варя.

— Нет, туда, — ответствовала Кононова и показала глазами вниз, имея в виду то место, которое она иногда, когда никто не мог слышать, называла «бункер», а порой «подвал». То, где дислоцировался суперзасекреченный КОМКОН. — Мне Петренко звонил, очень просил прийти.

Алеша скривился: ее служба, казалось бы, давно покинутая, снова пробиралась к ним в дом. Однако полковника он уважал (хотя не сказать чтобы любил и, наверное, отчасти ревновал к нему Варю), потому дернул плечом и буркнул:

— Воша валя, — то есть в его трактовке: «Воля ваша».

И вот: с утра Варя для Сенечки сцедила молочка. Несмотря на солидный годовалый возраст, она продолжала его раз, а то и два в день баловать натуральным материнским продуктом (слава богу, хватало). Дала Алеше ин-

струкции насчет прикорма ребеночка и одевания на прогулку — и отправилась.

Нечего говорить, подходила к своему бывшему рабочему месту с замиранием сердца. Петренко встретил ее перед воротами. Никакого пропуска выписывать не понадобилось. Оказалось, отпечатки и пальца Кононовой, и роговицы ее глаза в памяти пропускной системы сохранились. Поэтому миновали первую проходную — калитку у ворот — без проблем. Сержант-дежурный только козырнул. За воротами имелся небольшой асфальтированный дворик, в котором припаркованы были две разъездные машины и авто трех-четырех высших руководителей спецслужбы. Среди них она узнала петренковский личный «Фольксваген Туарег».

В центре дворика располагалось невзрачное одноэтажное здание. Снова проверка личности — и снова система откликнулась положительно на папиллярный рисунок пальца Вари и узоры ее глаза.

— Значит, на самом деле любой бывший сотрудник может в любое время на службу прийти? — спросила она у полковника.

— Не любой, а только ты. И только сегодня, — скупой ответил он.

Они вошли в лифт. Он ухнул вниз, на семидесятиметровую глубину.

А там было все так же, как в последний раз, после отставки, когда она приходила охотиться на Козлова, убийцу своих родителей: коридоры с ковровыми дорожками, залитые люминесцентным светом, дубовые двери без табличек, и непонятно, кто за ними сидит.

Варя хорошо знала, что находится там, внутри, в кабинетах, потому что сама провела в таком двадцать без малого лет: фальшокно с фотографией пейзажа за ним;

тесное помещение, стол с компом, внутренний телефон, два стула. На стеллажах — папки с делами, электрочайник, банка с кофе.

В коридорах, по обыкновению, никого не было, а кабинет Петренко оказался тем самым, начальственным, с длинным столом для заседаний, где она неоднократно получала пендюлей от командиров КОМКОНа, в том числе в короткий период до того, как Петренко понизили, — и от него самого. При виде тех самых владетельных покоев, где сотрудникам раздавали моральные оплеухи, ностальгия ее сразу пошла на убыль.

Наконец они остались одни, без камер, пронизывающих все пространство около и внутри комиссии, и Петренко сказал: «Ну, здравствуй, Варя», — и обнял ее. Вот таким он был, прежний ее начальник: все хранил в себе, никаких душевных порывов на публике не допускал. Отстранил молодую женщину, осмотрел, промолвил:

— Ты похорошела.

— Потолстела, — уточнила она.

Варя, конечно, после родов прибавила. Килограммов десять, кошмар. Ушло все в живот, в попу, в бедра. И лицо расширилось.

Пришлось даже к сезону парк летних сарафанов обновлять, приобретать более просторные. И она условилась с Даниловым, что купит абонемент в спортклуб, будет по утрам, до его работы, в зал ходить: на тренажерах подкачается, в бассейне поплавает, в хаммаме попарится. Не сомневалась — с проблемой лишнего веса она, как и со всеми другими вызовами в своей жизни, тоже справится.

— Да нисколько ты не поправилась! — соврал Петренко. — Наоборот: разругмянилась, разгладилась, стала настоящей женщиной.

— Настоящей? — улыбнулась она. — А была искусственной?

— Была девчонкой, порой с мальчишескими повадками. Иногда угловатая. Иногда резковатая. А сейчас ты как будто нашла себя, влилась в форму, для тебя самой матерью-природой предназначенную.

— Как вы успели все это заметить, Сергей Александрович, за те пять минут, пока мы общаемся?

— Я и на крестинах обратил внимание, порадовался за тебя, просто тогда не было момента сказать... Короче, материнство тебе явно на пользу. Как Сенечка? Как Данилов?

Довольно кратко, стараясь не сбиваться в «мамочкины» подробности и быть юмористичной, она поведала о ребенке. Два слова сказала о муже: «Трудится в поте лица». Спросила, в свою очередь:

— Как у вашей замечательной семьи дела?

— Оля все так же. Работает, сделали ее начальницей библиотеки.

— Поздравляю.

— Передам... А Юлька... Юлька в прошлом году вместе с мужем в Эмираты укатила. — При словах о дочери полковник посуровел, сжал челюсти, заиграл желваками: видать, не слишком нравилось, что его кровиночка стала релоканткой, — да и товарищи по службе ему, похоже, успели попенять. — Муж у нее айтишник, вот и решил отплыть в теплые края.

— Сочувствую, товарищ полковник. Скучаете по дочери, наверное?

— Не без этого. Оля туда к ним в гости вырывается временами, а мне выезд за кордон, как ты понимаешь, сейчас прикрыт... Чаю, кофе выпьешь? — резко сменил тему начальник. — Меня новой кофеваркой осчастливили.

— Нет, спасибо. Лучше расскажите, чем обязана я вашему вызову? Нельзя было на улице поговорить, прохаживаясь возле моего дома? Или в парке «Кусково», как в былые времена?

— Да вот хочу показать тебе кое-что. Документ секретный, выносу за территорию части, естественно, не подлежит. А в пересказе теряются определенные нюансы.

Петренко подошел к столу, открыл верхний ящик, протянул Варю одну страничку текста. Пояснил:

— Коллеги из Ясенева меня снабдили. Говорят, это не первое аналогичное сообщение из-за океана.

Варя взяла листок, стала читать бумагу, напечатанную исключительно капслоком, заглавными буквами:

СЕКРЕТНО

ЭКЗ № 2

ШИФРТЕЛЕГРАММА № 05/109

ВАШИНГТОН 434

13.05.2024 06:45

ТОВ. БОРИСОВУ

ОБ АКТИВИЗАЦИИ СПЕЦСЛУЖБ США В НАПРАВЛЕНИИ АНОМАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

ПОСТУПАЮЩИЕ ИЗ НЕСКОЛЬКИХ ИСТОЧНИКОВ ДАННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ, ЧТО ФБР, АНБ, ЦРУ, РУМО, А ТАКЖЕ ДРУГИЕ КОНТРАРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ И РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ США АКТИВИЗИРОВАЛИ РАБОТУ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ АНОМАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ. ЕСТЬ СВЕДЕНИЯ, ЧТО С ИХ СТОРОНЫ НАЧАЛАСЬ ОХОТА ЗА НЕКИМ ЧЕЛОВЕКОМ, ГРУППОЙ ЛЮДЕЙ ИЛИ

СТРУКТУРОЙ, КОТОРЫЙ/КОТОРЫЕ ОБЛАДАЮТ СВЕРХЪ-ЕСТЕСТВЕННЫМИ СПОСОБНОСТЯМИ. В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ИМЕЮТСЯ ДАННЫЕ, ЧТО НИКОМУ В США В ТОЧНОСТИ НЕ ИЗВЕСТНО, ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК/ГРУППА/СТРУКТУРА, КАКОВА ПРИРОДА ЕГО/ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, КАКИМИ ЯВЛЯЮТСЯ ЕГО/ИХ ЦЕЛИ И КАКИЕ УГРОЗЫ ОН/ОНИ ТАЯТ.

В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ В АМЕРИКАНСКОМ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОМ И КОНТРАРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОМ СОБЩЕСТВЕ ВОЗОБЛАДАЛА ВЕРСИЯ, ЧТО ЭТО ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИНОПЛАНЕТНОГО РАЗУМА, КОТОРЫЕ ПОД ЛИЧИНОЙ ЛЮДЕЙ ВЕДУТ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЛЯ ПОСЛЕДУЮЩЕЙ КОЛОНИЗАЦИИ ЗЕМЛИ. НЕ ИСКЛЮЧАЕТСЯ ТАКЖЕ ВАРИАНТ, ЧТО УПОМЯНУТЫЙ/ЫЕ ОБЪЕКТ/ОБЪЕКТЫ ЯВЛЯЮТСЯ ПОРОЖДЕНИЕМ МИСТИЧЕСКИХ, НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СИЛ.

НР 383 РЕЗИДЕНТ КВР КЕНТАВР

12.05.2024 13.35

— Сильное сообщение, — прокомментировала, отложив бумагу, Кононова.

— Понимаешь, Варя? — молвил Петренко. — Раз у них такое появилось, раз *американе* нечто такое ищут — значит, подобное, скорей всего, возникло и у нас. Как иначе? Всегда все происходило симметрично с главным противником. Помнишь, Посещение номер один, в тысяча девятьсот пятьдесят первом году? А потом следующее, в шестьдесят втором, во время Карибского кризиса? Чуть не в один день тогда *гости* появились и у нас, и у американов. Есть основания думать, что и нынче *они* действуют аналогично прошлым посещениям — то есть одновременно появляются и у штатников, и у нас.

— Но сейчас, — прокомментировала Варя, — в отличие от пятидесятых-шестидесятых годов, пришельцы, наверное, кроме России, и в Китай должны наведаться, и в Европу. А может, и в Индию тоже. Мир ведь из тогдашнего двухполярного явно превратился в мультиполярный.

— Я задавал этот вопрос коллегам из Ясенева, из Комитета внешней разведки. Они мне ответствовали, что данными из Китая, Индии или из Европы пока не располагают.

— А не дезинформация ли это? — Кононова кивнула на шифровку.

— Что ты имеешь в виду? Что наши *заокеанские партнеры* перевербовали резидента под кодовым именем Кентавр и потому он стал гнать нам дезу?

— Нет, я предполагаю, а вдруг *американе*, — когда-то Данилов рассказал ей, что первые советские ракетчики, включая Королева, называли жителей США именно «американами», получалось забавно, но уважительно, вроде «марсиан». И Варя, и Петренко переняли это словечко, — американе специально распускают эти слухи ради того, чтобы мы стали искать в темной комнате черного кота — а его при этом там и нет? Отвлекали силы и средства в поисках того, что в реальности не существует?

— Говорят же тебе, это не первое подобное сообщение. И по другим каналам аналогичная инфа из США проходила. А потом, люди из Комитета внешней разведки — серьезные товарищи. Они, что называется, за базар отвечают.

— И вы, то есть *комиссия*, тоже начали работу в этом направлении?

— Она именно нам и поручена, Варюша. В соответствии с задачами нашей организации.

— Вот как! Рада за вас. Давайте, действуйте. Но при чем тут я, товарищ полковник?

— А при том, что это ведь твоя тема. Как мы с тобой в яранской тундре с *чужими* бились, помнишь?

— Такое забудешь!

— Поэтому, конечно, тебя не хватает... — выговорил-таки полковник слова, которые были ей очень по сердцу. — Но если я предложу тебе вернуться на службу — временно, для выполнения задания, — ты ведь не согласишься?

— Не соглашусь, товарищ полковник. У меня сыну только годик исполнился. И никого в помощниках: ни бабушек, ни нянек. Один Данилов, но он сидеть круглые сутки с ребенком не может, спасибо, раз в неделю меня, как сегодня, отпускает. Ему надо деньги зарабатывать, семью нашу кормить. Пенсии моей, хоть и военной, на нас троих явно не хватит. Так что при всем моем уважении и любви к вам: нет и нет.

— М-м-м, жалко, конечно. Но ты ведь сможешь поработать над этой темой факультативно? Присмотреться? Пошерстить Интернет? Соцсети?

— А что мы ищем? Более подробно можно?

— Сожалею, но у меня никакой дополнительной информации, кроме данной шифровки, пока не имеется. Я, знаешь, на интуицию твою очень рассчитываю. — Петренко сделал паузу и добавил: — И на Данилова.

— На Алешу? — округлила глаза Кононова. — Шифровку вы мне показали секретную, КОМКОН — организация секретная, тема вышеизложенная — секретная. Что же я Данилову могу сказать?

— Скажи в этаким, округленном виде. Он ведь тебя спросит, зачем ты мне сегодня вдруг понадобилась? Вот и поведай супругу — безо всяких ссылок на *коллег* из

Ясенева, конечно. Пусть Данилов тоже присматривается к окружающим. У него-то самого экстраординарные способности, в отличие от нас всех, имеются.

— Н-да, Сергей Александрович, задание точно в стиле *комиссии*. «Ступай туда, не знаю куда, найди то, не знаю что». — «А деньги?» — «А денег нет, но вы держитесь»

— А что ты хочешь? Мы с тобой в таком режиме двадцать лет совместно проработали. Давай я тебя познакомлю с сотрудниками, которые официально эту тему начали вести.

Когда Варя вернулась домой, в их квартиру почти что в центре столицы, на Краснопролетарской, Данилов встретил ее с крайне загадочным выражением лица. Она даже забеспокоилась: что случилось? Однако выглядел Алеша скорее радостным. Да и Сеня смотрелся здоровеньким и довольным. Он стоял в кроватке, держался за барьер и качался на крепеньких ножонках. Когда увидел Варю, радостно заорал: «Ма! Ма! Ма!» — и так до бесконечности — и протянул к ней ручонки.

«Боже мой, — екнуло у нее, — и я почти всю жизнь отказывалась от этого счастья! Дотянула чуть не до сорока лет! И ради чего? Ради какой-то работы!»

Она взяла сына на ручки, потаскала по комнате, потискала. Он тоже обнимал ее, сжимал за голову, восхитительно пах молочным своим детством. Подошел Алеша, обнял одновременно и ее, и малыша. И опять от этих объятий, когда они втроем оказались все вместе, Варя почувствовала новый прилив нежности и любви — к ним обоим. Хотелось всю жизнь простоять вот так с ними, со своими любимыми мальчиками, в объятиях и ничего больше не делать — тем более не имелось никакого желания выполнять задания Петренко.

Данилов спросил малыша: «А ко мне пойдешь?»

Тот охотно переменил дислокацию и перебрался на ручки к отцу. Алеша осторожно опустил младенца и поставил ножками на пол.

Стоять парень научился давно, но для того, чтобы хранить равновесие, ему все время требовалось держаться — в последнее время хотя бы за один палец взрослого.

— Отойди-ка на три шага, дорогая! — скомандовал супруг. Она выполнила пожелание: предчувствовала, к чему дело идет. — Помани его!

— Сенечка, иди ко мне, — ласково позвала Варя.

И, о чудо, малыш оторвался от руки мужа и сделал сам — первые! самостоятельные! — шаги в ее направлении! Ему как раз хватило шести шажков, и он стал заваливаться, но она подхватила сыночка в свои объятия, подняла, обняла, воскликнула: «Ой, какой же ты молодец!» — и зацеловала, затормошила.

— А?! — гордо воскликнул Данилов, будто бы это именно он, лично за сегодняшний день, пока ее не было рядом, научил сына ходить. — Каковы мы?

— Да, Лешка, поздравляю! Давай снимем видео — самые первые шаги? На память?

— Слушай, ну ты прям как блогерша какая! Начнем еще в соцсети куда-нибудь нашего ребеночка выставлять!.. Да снимем мы его со временем, снимем, никуда не денемся... Давай лучше отметим достижение сына. Есть хочу не могу. Я, пока Сенька почивал, пасту сварганил с лососем. И бутылочку новозеландского шардоне поставил охладиться.

— Яжемать, забыл? Кормящая! — напомнила Варя. — Какое там новозеландское.

— Сеня не все молочко выпил, что ты утром сседила. И прикорм добавим, до утра хватит ему.

— Ах ты змей-искуситель!

Слава богу, характер у их сыночка оказался по жизни покладистый, натура нескандальная, позитивная. По ночам он, особенно в последнее время, как месяцев восемь исполнилось, обычно спал. За всю ночь только один раз, от силы два требовалось встать, покормить, успокоить, найти потерянную соску.

Поэтому, уложив малыша, поставили «радионяню», уселись на кухне. Данилов за что ни брался — все у него хорошо получалось. В этот раз и угощение удалось — паста с лососем под сливочном соусом, и вино он правильное выбрал: очень летнее, под теплый воздух, который струился из полураспахнутого окна.

«Вот ведь судьба, — думалось Вале, — могла я вообразить, что когдатощний объект разработки станет самым близким для меня человеком? Тут и Данилов, конечно, свою роль сыграл — преследовал меня по-настоящему, да и способности свои экстрасенсорные наверняка проявил, чтобы покорить, — хотя напрочь это отрицает. Но вот мы не просто живем вместе, а подлинными теперь муж и жена перед богом и официальными органами».

Она вспомнила, как полтора года назад, когда сказала под Новый год Алеше, что беременна, он немедленно предложил: расписываться в загсе и венчаться в церкви. «И давай не затягивать, — настоял тогда, — пока твое интересное положение окружающим не очевидно и Великий пост не начался».

Обвенчались и расписались в конце февраля прошлого года, шаферами были полковник Петренко и Сименс, а с ее стороны — давняя подруга Верочка Погодина и бывшая однокурсница Наташа.

Одно только сделали не по правилам: она не стала фамилию менять. Возможно, Данилову это оказалось непри-

ятно, но он ее поддержал: «В память о твоём отце, генерале и докторе наук. Великий был человек».

Варю совсем не тошнило, и была она на венчании очень красивой. Так жаль, что не могут ее увидеть и порадоваться ни мама, ни папа — тридцать лет, как спят в земле сырой.

А в июне она родила. Алеша все время был с нею рядом, и при родах она впервые согласилась, чтобы он на нее *воздействовал*, поэтому всю ее боль он старался брать на себя. Она видела, как ему самому тяжело и нездорово, лицо его посерело, на лбу пот выступил, он крепко сжимал и кусал губы — зато она особых страданий не испытывала, и ребеночек выскочил быстро и почти безболезненно — а Данилов (усмешливо подумалось ей) стал первым мужчиной, который почувствовал, что такое рожать. И за это она тоже была ему благодарна.

Малыша, мальчика, хотелось назвать в честь своего отца Игорем — но Данилов отговорил: «Папа твой, конечно, был человеком великим, но погиб трагически и в относительно молодом возрасте — зачем ребеночку такой ментальный груз?» О том, чтобы назвать в честь даниловского папаши, и речи не шло — был тот человеком странным, неоднозначным, да и умер тоже далеко не стариком.

Алеша предложил назвать сыночка Арсением — она согласилась.

— Для чего тебя Петренко вызывал? — вырвал ее из приятных воспоминаний Данилов.

— Окажемся на открытом воздухе, расскажу, — ответила она.

— Ох уж эта шпиономания, — пробурчал он, — неужели думаешь, что нас с тобой до сих пор *слушают*?

— Конечно, — убежденно проговорила она.

Из-за стола они переместились в спальню.

С Даниловым ей всегда была хорошо — ну, если быть честной, почти всегда. Он уверял и клялся, что никаких своих сверхъестественных способностей к этому не прикладывал, мыслей не читал, желаний не предугадывал — когда бывал с ней, возводил типа вокруг себя невидимый, но непроницаемый стакан. Кто знает: может, правда — Алеша вообще был болезненно честным человеком. А может, и врал. Или, точнее, привирал немного.

После родов она еще больше раскрылась. Сильнее чувства стали. И когда Алеша в постели до сердца *доставал*, вцеплялась в него и шептала — вот только кричать теперь во все горло боялась: а вдруг Сенечку разбудим.

Потом они оба заснули, обнявшись.

Ночью Варя пару раз вставала к малышу. А под утро сны у обоих стали перемежаться с явью, и думы и заботы дня вдруг спутывались с ночными видениями, и от этого становились вдруг яснее, отчетливее, но и мягче, успокоительней.

Все последнее время, с того момента под Новый год, когда Варя объявила, что беременна, Данилов не переставал в глубине души думать и переживать о малыше. Поводы имелись, и не только естественная тревога отца за своего сына. Варя, согласно ужасному жаргончику отечественных врачей, являлась старородящей — а значит, риски, связанные с беременностью, повышались. И помочь ей, выручить в случае беды он, несмотря на все свои способности, никак не мог.

Но главное, что его беспокоило, — как раз они, его таланты. Ведь он, Данилов, явно выделялся из обычного человеческого ряда. Был необыкновенным, особенным. Да, он в итоге сумел *приручить* свой дар и благодаря тому смог хорошо зарабатывать и пользоваться уважением окружающих. Но какие испытания и мучения ему пришлось

преодолеть, когда этот дар только просыпался! Как тяжело было! Настоящее счастье, что ему в конце концов удалось направить свои умения в конструктивное, полезное русло! Сколько людей с аналогичными способностями попросту гибли: спивались, оказывались в психушках или на дне жизни! Нет, совсем он не хотел, чтобы его сыночек, его Сенечка унаследовал от него таланты и связанные с ними тяготы. Как ему мечталось, чтобы он оказался самым обыкновенным ребенком! С каким вниманием он всматривался в него: не проявится ли нечто, свидетельствующее о будущих сверхспособностях!

Нет, пока, слава богу, ничего не проявлялось. Сын рос обычным крохой. Однако тревога не отпускала. Она прорывалась и днем, когда Данилов возвращался с работы и с беспокойством вглядывался в личико сына. Врывалась в подсознание ночью, когда малыш в его снах вдруг начинал угадывать в колоде закрытые карты или решать тригонометрические уравнения — и это становилось для него, для отца, мучительной тяготой. Он на мгновение просыпался, произносил, как мантру, короткую молитву — и снова засыпал, и видел сны о другом; однако подспудное волнение все равно длилось.

Рядом, разметавшись большим обнаженным телом, спала Варя. Ее сон под утро тоже был неглубок, она прислушивалась к сопению (через «радионяню») малыша. А еще невольно ей вспоминалось, как вчера в штаб-квартире КОМКОНа Петренко вызвал, чтобы познакомить с ней, двух новых офицеров — они поступили на службу в *комиссию* после ее увольнения, и она их никогда раньше не видывала.

Оба прибыли в кабинет Петренко — в гражданском, как водится. Первый — капитан Вежнев, Антон. Лет тридцати пяти и, боже, какой красивый! Лицо как у Петрен-